

Гермиона Грейнджер была взволнована. Обычно в это время года ее волновали предстоящие уроки, новые преподаватели, горы домашних заданий и бесконечная учеба. Обычно она справлялась с тревогой привычным способом: заучивала все, что предстояло выучить, и составляла расписание, чтобы успевать везде. Но в этом году все было иначе. Конечно, она по-прежнему волновалась об уроках, о новом преподавателе по защите от темных искусств, о домашних заданиях и учебе, но все это меркло по сравнению с... с Гарри. С Гарри что-то было не так, и Гермиона очень переживала за него. Когда она впервые встретила его, она этого не замечала. Ей понадобились недели, чтобы понять, что что-то изменилось. Не то, чтобы это было неправильно, просто иначе. Ее тревожили самые незначительные мелочи. Гарри вдруг забыл, что она терпеть не может брюссельскую капусту – он никогда не забывал об этом с тех пор, как она сообщила ему об этом на первом курсе. Гарри стал спокойнее, но его письма в начале лета были явно ядовиты. Он ждал, пока миссис Уизли или Сириус закончат говорить, прежде чем задавать вопросы – Гермиона никогда не видела, чтобы он медлил, прежде чем влезть в разговор со своей точкой зрения. А потом появилось самое печальное доказательство: Гарри перестал требовать ответов. О, он все еще настаивал, чтобы знать что-то, но он перестал требовать. Вместо этого он вежливо спрашивал, пока не изматывал свою жертву, и она говорила ему только для того, чтобы избавиться от него. Да, с Гарри определенно было что-то не так – и Гермиона очень переживала по этому поводу. Особенно потому, что она не могла найти ответа на это пугающее развитие событий. Конечно, у Гермионы были догадки, почему Гарри изменился – две или три, – но она не могла быть уверена в правильности ни одной из своих догадок, и это ее беспокоило. Она надеялась, что это просто Гарри взрослеет, но боялась, что дело не только в этом. Она боялась, что Гарри изменился либо из-за нападения дементоров, либо из-за безвременной смерти Седрика – а ни то, ни другое не было хорошей причиной для того, чтобы Гарри изменился. Если это произошло из-за нападения дементоров, Гарри мог чувствовать себя ответственным за это и винить себя за то, что его кузен оказался в опасности. Он также мог бы винить Дамблдора и Орден за то, что они не защитили его так хорошо, как должны были – и это не то чувство, которое Гермиона хотела бы, чтобы Гарри вынашивал. Гарри нуждался в том, чтобы в его жизни были взрослые, которым он мог бы доверять. Если это нападение разрушило его доверие к Дамблдору и Ордену, Гермиона опасалась, что Гарри может потерять контроль над реальностью и погрузиться во тьму. Если причиной его изменившегося поведения был Седрик, то Гермиона была уверена, что Гарри винит себя. Это могло привести к тому, что в следующей опасной ситуации Гарри попытается перебороть себя, что приведет к его собственной смерти. Или же это может привести к тому, что Гарри будет совершенно измотан из-за недосыпания и будет форсировать обучение – особенно по защите. Гермиона была уверена, что в этом случае Гарри сломается еще до Хэллоуина. Обе причины могли быть причиной внезапно повзрослевшего Гарри – и ни одна из них, по мнению Гермионы, не была хорошей для Гарри. И поэтому, вместо того чтобы беспокоиться о занятиях, новых профессорах, домашних заданиях и учебе, Гермиона судорожно наблюдала за Гарри, переживая за него. Гарри же, казалось, вообще не замечал, что за ним наблюдают. Он продолжал свой день, как будто ничего не происходило. Он сидел с ними в Большом зале – как и вчера, и все годы, начиная с первого курса – он ходил с ними на занятия – он был не лучше, чем раньше. Он по-прежнему рисовал на Истории магии, по-прежнему чаще всего смотрел в окно на Трансфигурации. Он все так же не спешил пробовать новое заклинание на Чарах, как и всегда. Он все еще стонал от каждого домашнего задания, которое ему давали, и все еще страстно ненавидел Дивинити. Если бы все было именно так, Гермиона бы не беспокоилась так сильно. Конечно, она волновалась, когда он забывал о таких мелочах, как ее предпочтения, но один факт заставлял ее волноваться еще больше: Гарри Поттер, не умеющий варить зелья, вдруг научился варить. И вопрос заключался в том, как? – Рон? – сказала она после того, как Гарри ушел в библиотеку, чтобы начать работу над эссе по Чарам. – Да? – Тебе не кажется... что Гарри ведет себя... как-то иначе? – спросила она, нервничая. Рон нахмурил брови. – Что значит "по-другому", Гермиона? – спросил он ее. –

Ну... он забыл, что я не люблю брюссельскую капусту... он вежливо разговаривает с Малфоем... он знает зелья... он... — Э... кажется, я понял, — сказал Рон, а потом пожал плечами. — Да. Ты права. Он другой — но в этом нет ничего плохого, не так ли? Я имею в виду... он все еще тот же самый, не так ли? — Я... думаю, — ответила Гермиона с заминкой. — Послушай, — сказал Рон, видя, что она колеблется. — Гарри все такой же на уроках — кроме зелий, то есть — он все так же проигрывает мне в шахматы, и я уверен, что он все так же готов на все ради нашей дружбы. — Ты права. — На этот раз Гермиона вздохнула. — Но мне все еще не по себе от этих изменений. Откуда нам знать, что эти изменения не начались из-за чего-то, что произошло этим летом? Например, Дементоры, смерть Седрика или возвращение Волдеморта? Откуда нам знать, что изменения в Гарри начались не потому, что он плохо справляется со всем этим и заставляет себя забыть? Я не хочу потерять нашего друга, потому что он не может справиться с тем, что произошло! — Он не ведет себя так, как будто у него есть проблемы, — возразил Рон. — И ты действительно думаешь, что мы сразу же увидим, есть ли у него проблемы? — Эээ... Думаю, что нет, нет. — На втором курсе он вдруг начал учиться лучше после того, как его сторонилась вся школа. В прошлом году было то же самое. — Не знаю, как часто он упражнялся в заклинании "Акцио" в одиночестве, просто чтобы отточить его, — задумчиво произнесла Гермиона, — но точно знаю, что делал это не только в моем присутствии. А заклинание Патронуса на третьем курсе — он заставил себя его выучить после того, как Дементоры слишком часто воздействовали на него! — Так ты думаешь... — начала Гермиона, голос её понизился до шепота, — что Гарри сейчас давит на себя, с тех пор как Волдеморт вернулся? Может, он чувствует себя виноватым за смерть Седрика? Или Дементоры... Не знаю, что именно, но я твердо уверена, что есть причина, по которой он вдруг стал так много учиться. И я совершенно уверена, что на этот раз он не поделится с нами своей причиной... и это меня беспокоит, Рон. — Итак... что нам делать? — спросил Рон, его лицо было хмурым. Гермиона заколебалась, столкнувшись с этим вопросом. — Э... не знаю, — ответила она неуверенно. — Может быть... может быть, нам стоит поговорить со взрослым... например, с МакГонагалл... или даже с Дамблдором... Рон закатил глаза. — Не будь идиотом, Гермиона. Это не настолько серьезно, чтобы бежать с визгом к взрослому. — Тогда что, по-твоему, нам делать? — спросила Гермиона, её тон был раздраженным. — Может... дать ему время? — предложил Рон. — В конце концов, если это Седрик... ему нужно время, чтобы прийти в себя. Я не могу представить, как бы я себя чувствовал, увидев, как моего друга убивают прямо у меня на глазах... — Но... разве не было бы лучше, если бы у него был кто-то, с кем поговорить? — возразила Гермиона. Рон покачал головой. — Давай дадим ему немного времени... Если ничего не изменится, мы можем обратиться к взрослому. Но пока что: Гарри — наш друг. Мы должны попытаться заставить его рассказать о том, что произошло. И, может быть, Гарри просто решил, что пришло время для перемен, понимаешь? Гермиона вздохнула и положила голову на руки. — Хорошо, — пробормотала она, прежде чем решила последовать совету Рона и подождать еще немного.